

А. Б. Долгопольский

**МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА
И СИБИРОЕВРОПЕЙСКАЯ ГИПОТЕЗА**

Как известно, реконструкция общеиндоевропейского языка обычно проводится двумя методами:

1) сопоставление письменно засвидетельствованных индоевропейских языков и постулирование таких морфем и языковых структур, которые могли бы объяснить факты индоевропейских языков;

2) внутренняя реконструкция.

Оба эти метода имеют ограниченные возможности. Часто в языках бесследно исчезают различия между некоторыми фонемами или иные элементы структуры. Они не могут быть восстановлены даже путем внутренней реконструкции.

Дальнейших успехов в области восстановления общеиндоевропейского языка можно добиться при наличии новых источников информации. Такие источники можно получить при применении, в сочетании со старыми, новых методов реконструкции:

3) типологического метода;

4) исследования заимствований из общеиндоевропейского языка и в общеиндоевропейский язык;

5) сравнения с теми языками, которые находятся в родстве с индоевропейскими.

Типологический метод основан на изучении универсалий и вероятностных закономерностей в языке. Применение его, начавшееся в последнее время, уже дало некоторые результаты. Р. Якобсон установил нереальность традиционной фонетической интерпретации трех рядов индоевропейских согласных (глухие, звонкие и так называемые звонкие придыхательные)¹, ибо в мире неизвестны языки со звонкими придыхательными, но без глухих придыхательных. Он же справедливо критиковал гипотезу об отсутствии фонологического противопоставления

¹ Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — «Новое в лингвистике». Сборник статей, вып. 3. М., 1963, стр. 103.

гласных в общеиндоевропейском². Действительно, рассмотрение языков мира показывает, что языки без фонологических гласных встречаются крайне редко (если вообще встречаются: природные иногда примеры — абазинский и аранта — спорны). Типологическая точка зрения заставляет сомневаться и в правдоподобности той картины семантики индоевропейского языка, которая получается, если понимать буквально переводы значений индоевропейских корней в словаре Ю. Покорного (см. ниже).

Нужно ясно представить себе соотношение методов при реконструкции. Методы (1) и (2) позволяют с уверенностью констатировать лишь различие («корень *per- отличается от *bher- первым согласным»), но не сходство: если мы говорим «корень *perg- ‘палка’ не отличается от корня *perg- ‘страх’ в звуковом отношении», это значит лишь следующее: мы не знаем, были ли корни *perg- ‘палка’ и *perg- ‘страх’ омонимичны или между ними было различие, которое не может быть обнаружено путем сравнения индоевропейских языков и путем внутренней реконструкции. Ведь можно же допустить, что были, например, две различные фонемы $*p_1$ и $*p_2$, которые в истории всех индоевропейских языков слились! Таким образом, мы реконструируем общую часть нескольких разных языковых систем, из которых только одна соответствует действительности. Какая из этих систем более вероятна, можно установить, в частности, с помощью типологического метода. Так, типологически вероятнее, что до возникновения апофонии существовали фонологические различия древних гласных, снятые апофонией.

Метод исследования заимствований для целей реконструкции индоевропейского языка до сих пор применялся мало, хотя польза его очевидна.

Очень многообещающим представляется пятый метод — реконструкция протоиндоевропейского языка с привлечением данных языков, ему родственных.

Вероятностная оценка сходства между морфемами индоевропейских, уральских, алтайских, чукотско-камчатских, картвельских и семито-хамитских языков показала, что это сходство не может быть случайным и не может быть результатом заимствований, а следовательно, приходится объяснять его генетическим родством³.

Что могут дать эти языки (условно назовем их «сибириоевропейскими») для реконструкции протоиндоевропейского языка?

В. М. Иллич-Свитыч в докладе, представленном на Конференцию по индоевропейскому языкознанию (МГУ, 1964 г.), блестяще проиллюстрировал возможности, представляемые сибирио-

² Р. Якобсон. Указ. соч., стр. 102—103.

³ См.: А. Б. Долгопольский. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии с вероятностной точки зрения. — ВЯ 1964, № 2.

европейской гипотезой. Данные сибироевропейских языков помогают решить проблему происхождения трех рядов индоевропейских гуттуральных согласных (палатальные, велярные, лабиовелярные) и проблему древних гласных («доаблаутного» периода). Оказывается, что индоевропейским палатальным согласным соответствуют уральские и алтайские гуттуральные перед гласными переднего ряда, велярные соответствуют гуттуральным перед гласными типа *a*, лабиовелярные — гуттуральным перед огубленными согласными. Следовательно, три ряда индоевропейских гуттуральных восходят к одному, а до возникновения индоевропейской апофонии существовали фонологически различные гласные. К приведенным у В. М. Иллича-Свитыча примерам можно добавить и другие*:

и.-е. **k^hṛmti-* ‘червь’ (Pokorny 649) || урал. **kurm̥s* > фин. *kurmi* ‘личинка оленевого овода’, камас. *śur* ‘червь’ и пр. || алт.: монг. *kor-kai* ‘червь’, казах. *kұрт*- ‘червь’, тунгус. *xirga ‘овод’ (Вас. 176 — эвенк. *irkakta*, Цинц. 307, Benz. 996, Räs. 18);

и. е. **ghe(n)d-* ‘схватить’ (Pokorny 437) || урал. **kanta-* ‘(при)-нести’ || алт. **gad-* ‘брать’ (см. ниже);

и.-е. **gembh-* ‘кусать’ (Pokorny 369), **gebh-* ‘челюсть, рот, есть’ (Pokorny 382) либо **g(i)eu-* ‘жевать’ (Pokorny 400) || алт.: монг. *kebi*, тур. *gev-* ‘пережевывать’ (Р 46) (см. ниже);

и.-е. **g^hei-* ‘кошка’ (Pokorny 469) || фин.-угр. *koja ‘кора’ (FUV 90, Col. Gr. 411);

и.-е. **kel-* ‘рубить’, ‘тесать’, ‘бить’ (Pokorny 545) || алт. **kal-*; тунг. **xalđi-* ‘тесать’ > эвенк. *алды-* ‘тесать’, пан. *халдисо* ‘плотничать’ (Вас. 24, Benz. 994).

* Здесь и далее применяются следующие сокращения:

Вас.	Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
Цинц.	В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
А	J. Aistleitner. Wörterbuch der ugaritischen Sprache. Berlin, 1963.
Benz.	J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956.
Coh.	M. Cohen. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947.
Col. Gr.	B. Collinder. Comparative Grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.
FUV	B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm, 1955.
Gr. LA	J. Greenberg. The Languages of Africa. — IJAL 1963, № 1, Pt 2, стр. 42—66.
Gr. SALC	J. Greenberg. Studies in African Linguistic Classification. New Haven, 1955.
M	H. Möller. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911.
P	N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
Ram.	G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
Ram KW	G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
Räs.	M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.

Те же соответствия наблюдаются и в следующих более сомнительных сопоставлениях:

и.-е. **(s)ker-* 'прыгать' (Pokorny 933) || фин.-уг. **karkz* 'бежать': фин. *karku* 'бегство', горно-мар. *kyrgyjasa* 'бежать' (Toivonen 161) || алт. **kara-* или **Gara-*: монг. *qara-ji* 'прыгать', казах. *қарғу* 'перепрыгнуть' и пр. (Ram. KW 145, Räs. 43);

и.-е. **kolə-, *klō* 'прясть' (Pokorny 611) || фин.-уг.: фин. *kalki* 'волос' и т. д. (FUV 149, Toivonen 149) || алт. **kīl-* 'волосы': монг. *kil-* и тюрк. **qıl-* 'волосы лощади' (P 19, 114; FUV 149, Räs. 19) и т. д.

Сибироевропейские данные позволяют в предварительном порядке поставить вопрос и о происхождении индоевропейского назального инфиксса. Для констатации прасибироевропейского чередования **-n- ~ -ø-* нужно найти морфемы, для которых реконструируются два древних варианта: с **n* и без **n*. Можно предложить для обсуждения перечень таких морфем (разумеется, в предварительном порядке, так как фонетические соответствия между языками еще не изучены):

'вода': 1) без **n-:* и.-е. **wed* 'вода' (Walde—Pokorny 252) || урал. **wete-* 'вода': фин. *vete-*, морд. *ведь*, лесн. нен. *wit* и т. д. || может быть, алт.: эвенк. *udun* 'дождь' и др. (Вас. 431, Räs. 30);

2) с **-n-:* и.-е. **wend-* 'вода' (лит. *vanduo* 'вода', лат. *unda* 'волна' и т. д.), возможно, сопоставимо с чуван. *onde* 'вода' (чуванский — вымерший диалект юкагирского языка, принадлежащего к уральской семье либо ей родственного):

'пуп': 1) без **n-:* картв. **iре* 'пуп': груз. *iре* 'пуп' (Климов 186) || сем.-хам.: егип. *hp}* 'пуп';

2) с *-n-:* и.-е. **ombh-, *enebh-* 'пуп' (Pokorny 314) || сем.-хам.: эфиоп. *ḥənbert* 'пуп' || может быть, и картв.: чан. *ompa*, *impa* 'пуп'; 'брать, нести': 1) с **-n-:* и. е. **ghend-* 'схватить' (Pokorny 437) || урал. **kanta-* '(при)нести': фин. *kanta-* 'нести' и пр. (FUV 22, Col. Gr. 406) || сомнительны в отношении начального согласного якут. *χanda* 'рычаг' и ульч. *kanda* 'достать' (Räs. 45);

2) без **n-:* и.-е. **ghed-* 'схватить' (Pokorny 437) || алт. **gad-* 'брать': пан. *gad-* 'брать', кор. *kad-* 'брать' (Ram. 47—48) || ? картв. **kid-* 'брать(ся)', 'вешать' (Климов 112) || семит.: аккад. *ktp* 'собирать' (Coh. № 228)?

'гнуть, лук > стрела': 1) с **n-:* и.-е. **lenk-* 'гнуть', **lonk-* 'лук' (Pokorny 676—7) || урал. **luŋka* > юж.-хант. *tæŋk*, *ləŋk* 'тупоносая стрела' и др. (FUV 30) [и **loŋka* 'наклонять, раскалывать' (Toivonen 302, реконструкция Иллича-Свитыча)?] || чад. (сем.-хам.): карекаре *riŋka* 'лук' и т. д.;

2) без **n-:* урал. **lukka* (?): нен. *lūky* 'тупоносая стрела', энец. *luku* 'разновидность стрелы', юкагир. *lokkil* 'разновидность стрелы' || сем.-хам.: егип. *rwʒ* 'тетива', бата (чад.) *rage* 'лук' и т. д. (впрочем, этот корень может быть и результатом заимствования);

‘зуб, кусать, жевать’ 1) с *-n-: и.-е. **g̥ombh-* ‘зуб’, *g̥embh* ‘кусать’ (Pokorny 369);

2) без *-n-: картв. **kb-il-* ‘зуб’ (Климов 107), **kb-in-* ‘кусать’ (Климов 106) || чук.-камч.: ительм. *kip-*, *ker-*, *kp-* ‘зуб’ (здесь сомнительно соответствие начальных согласных);

‘голый’, ‘кожа (человека)’: 1) с *-n-: фин.-уг. *rapčə* ‘голый, открывать’ (морд. *panžo-* ‘открыть’, луле-саамск. *biuožzōs* ‘голый’) (Col. Gr. 138, 413);

2) без *-n-: и.-е. **bhos-* ‘голый’ (Pokorny 163) || фин.-уг. **račə* (мар. *rača-*, *roča-* ‘открыть’) || сем.-хам.: евр. *bâšâr* ‘плоть’, араб. *bašār* ‘кожа’ (Coh. № 395);

‘лед’: 1) с *-n-: фин.-уг. **jäye* ‘лед’ (FUV 84, Col. Gr. 411) || алт. *jeŋ-*: тюрк. **jäŋ* ‘лед в земле, снежная корка’, кор. *eŋ-*, *jeŋ-* ‘морозить’ и т. д. (Räs. 31);

2) без *-n-: и. е. **leg-* ‘лед’ (Pokorny 503) || сем.-хам.: квара *yelāčā* ‘град’, ‘снег’;

‘лизать’ 1) без *-n-: и.-е. **lak-* ‘лизать’ (Pokorny 653) || картв. **loč-* ‘лизать’ (Климов 121-2) || сем.-хам.: семит. **lkk*, **lhk* ‘лизать’, егип. *lkh* ‘лизать’ и пр. (Coh. № 435);

2) с *-n-: сем.-хам.: билин *lanki* ‘лизать’.

Есть несколько более сомнительных сопоставлений (между двумя семьями языков):

урал. **küntə* ‘туман, дым’: игац. *kinta* ‘дым’ и пр. (FUV 26, Col. Gr. 407) || алт.: монг. *küden* ‘туман’ (Räs. 30) || может быть, и.-е. **ked-* ‘дымить, коптить’ (Walde-Pokorny I, 384)?;

а также, может быть, фин.-уг. **künče* ‘ноготь’: фин. *kynsi* и пр. (FUV 30, Col. Gr. 407) || алт.: тунгус. **xosi-kta* ‘ноготь, гвоздь’ (Benz. 971, Bac. 328) || и.-е. **guozd(h)o-*, **guozd(h)i-* ‘гвоздь (деревянный)’ (Pokorny 485) [а также **g^kisti-s* ‘палец’ (Pokorny 481)?]

и урал. **kuńćə* ‘звезда’: венг. *húgy*, манс. *kōńś-*, камас. *kün-žegei* и пр. (FUV 15, Col. Gr. 406) || алт.: тунгус. **xosi-kta* ‘звезда’ (Benz. 971, Bac. 328) || и.-е. **guoi(g)zd-* ‘звезда’: ст.-слав. *звѣзда*, лит. *žvaigždė* ‘звезда’, др.-prus. *swaigstan* ‘Schein’. Фонетическое сходство корней со значением ‘ноготь, гвоздь’ и со значением ‘звезда’ в тунгусских языках соответствует такому же сходству в уральских и в индоевропейских языках. Такой параллелизм вряд ли случаен; он свидетельствует в пользу последних двух сопоставлений.

Сибириоевропейские сравнения могут, видимо, помочь и в решении других вопросов индоевропеистики, например таких, как проблема отсутствия третьего члена триады в губном ряду: в индоевропейском языке три переднеязычных смычных (**t*, **d*, **dh*), три палатальных (**k̚*, **g̚*, **gh*), три велярных (**k*, **g*, **gh*), три лабиовелярных (**kʷ*, **gʷ*, **gʷʰ*), но лишь два губных смыч-

ных (**p*, **bh*). Ср. соответствие сем.-хам. **b* = алт. **b* = и.-е. **u⁴* в таких морфемах:

и.-е. **uersē-*, *-i-* ‘кабан, теленок, бык’ (Pokorny 81), **u^{ren}* ‘баран, овца, ягненок’ (Pokorny 1170) || алт. **birāgu*: монг. *birayu* ‘двуухгодовалый теленок’, общетюрк. **bīzayu* ‘двуухгодовалый теленок’ (Ram. KW 69) || картв. **werg₁* ‘баран’ (Климов 84) || сем.-хам.: семит. **b^ur* (угарит. *b^ur* ‘молодой бычок’, аккад. *būru* ‘молодой дикий бык’ — А 489), семит. **'br* (угарит. *'br* ‘молодой бычок’ — А 34), семит. **b'r* ‘бык’ (геэз *bə'rāg* ‘бык’, араб. *ba'ir* ‘верблюд-самец’), куш. ‘бык, корова’ (бедауе *be'rāy*, хамир, квара *bīrā*, сахо, афар *be'erā*, сидамо *bōrā* — Coh. № 386);

алт.: монг. *būligen*, ‘теплый’, эвенк. *булды* ‘теплый’, маньчж. *булуканъ* ‘теплый’ || сем.-хам.: квара *bal* ‘греть’, билин *bir* ‘греть’ и т. д. (Coh. № 403) || и.-е. **uel-* ‘тепловатый, теплый’ (Pokorny 1140);

сем.-хам.: гиддер (чад.) *beli* ‘кровь’, сахо (куш.) *bilō* ‘кровь’ и т. д. (Gr. SALC 55) || [? алт.: монг. *būlin* ‘сгусток запекшейся крови’] || и.-е. **uel-* ‘кровь’ (Pokorny 1144) и т. д.

Дальнейшие исследования покажут, закономерны ли эти соответствия и можно ли заключать, что прежде и в губном ряду существовала триада, но один из согласных в индоевропейском языке перешел в **u*.

Мы привели несколько примеров возможного использования сибириоевропейских сопоставлений для решения проблем индоевропейской фонетики. Но и при реконструкции семантики индоевропейского языка сибириоевропейские сопоставления, наряду с данными типологии, могут оказаться весьма полезны.

Основываясь лишь на сравнении индоевропейских языков-потомков, мы часто получаем, видимо, превратное представление о значении индоевропейских корней. В словаре А. Вальде и Ю. Покорного мы находим 30 корней со значением ‘гнать’, 33 корня со значением ‘вертеть’, 25 со значением ‘блестеть’ и ‘блестящий’, 24 со значением ‘schwellen, Schwellung’, ‘пухнуть’, 18 со значением ‘толкать’, 14 со значением ‘zusammendrängen’ и ‘zusammendrücken’ и т. д. Между тем более конкретные и менее расплывчатые значения соответствуют каждое обычно одному-трем корням. Многие же необходимые в общении значения вообще не представлены: нет корней со значением ‘нога’ (*‘Bein*, т. е. не ступня, а вся нога)⁵, ‘утро’ (хотя есть ‘вечер’ и ‘вчера’), ‘нож’,

⁴ Показательно лишь сем.-хам. **b*, ибо в алтайском **b* не противопоставлено **w*.

⁵ Отсутствие слова, обозначающего всю ногу, типологически невероятно: есть языки, различающие *pes* и *crus*, есть языки, где представлено лишь *crus*, но нет *pes*, но без значения ‘вся нога’ ни одна языка, пожалуй, не обходится. Заметим, что словарь Вальде и Покорного находит в индоевропейском корни со значением ‘вся рука’.

'все', 'мозг', 'слово', 'осень' (хотя есть 'зима', 'весна', 'лето') и т. д. Чем объясняется такая гипертрофия абстрактных и расплывчатых значений? По-видимому, искажениями, возникающими в самом процессе установления значения корня. И действительно, если бы через тысячелетия исследователь стал посредством сравнительно-исторического метода реконструировать значение русского корня *яблок-*, пытаясь найти нечто общее между значениями 'яблоко (фрукт)', 'яблочко (в мишени)' и 'глазное яблоко', он нашел бы, что корень *яблок-* в русском языке означал 'круглый'. То же значение 'круглый' было бы, может быть, приписано корню *голов-* (путем обобщения значений 'голова (человека)', 'голова сахара'). С другой стороны, корню *голов-* могло бы быть приписано и значение 'конец': ср. 'голова (человека)', 'голова (поезда)', 'голова (колонны)'. То же значение '(передний) конец' получил бы и корень *нос-*: 'нос (человека)', 'нос ботинка', 'нос корабля', 'мыс' в топониме *Канин Нос* и пр. Вот и получилось бы, что есть множество корней в значениях 'круглый', 'конец', но в русском языке не представлены значения 'голова', 'нос', 'хвост', 'яблоко' и пр. В чем была бы ошибка такого исследователя? Он предположил бы один семантический процесс (сужение, конкретизация значения) вместо другого (метафорический перенос). И действительно, одна и та же совокупность значений корня может сложиться разными путями. Если в каком-то языке один и тот же корень означает 'яблоко' и 'картофель', мы не сможем (не зная истории материальной культуры и не привлекая других дополнительных сведений) определить, в какую сторону шел метафорический перенос: 'яблоко' $>$ 'картофель' или 'картофель' $>$ 'яблоко'. Если в разных разновидностях английского языка *corn* означает и 'кукуруза' и 'зерно', то из одного этого еще нельзя заключить, что произошло в истории языка: сужение или расширение значения. Выше приводились примеры, показывающие, что нередко трудно отличить результат сужения ($A > B$ и $A > C$) от переноса значений ($B > C$ или $C > B$). Нередко трудно установить, каково было направление метонимического переноса (например, в случаях с глаголом и результатом действия): ит. *isola* 'остров' от *isolare* 'изолировать' или *isolare* от *isola*? Зная латынь, разумеется, легко ответить на этот вопрос, но исходя только из значений этих двух итальянских слов, трудно безошибочно установить истину.

Но как же выбрать из многих возможных семантических процессов, способных объяснить наблюдаемые факты, тот, который имел место в истории языка? Как реконструировать древнее значение?

Для этого полезно привлечь типологию, которая позволит — после обобщения материалов разных языков — установить, какие значения должны были несомненно присутствовать в индоевропейском языке, какие значения могли выражаться много-

численными синонимами, а где ожидать богатой синонимии нельзя, а в отношении многих значений можно установить, какие семантические переходы для них более вероятны.

Для тех же целей полезны и генетические сопоставления с другими сибиевроевропейскими языками. В словаре Ю. Покорного, например, фигурирует корень **pel-* (Pokorny 798) со следующими значениями: 'gießen', 'fließen', 'aufschütten', 'füllen', 'einfüllen', 'schwimmen', 'machen', 'fliegen', 'schütteln', 'schwingen', 'zittern', 'zittern machen'. Этот корень, согласно словарю Ю. Покорного, содержится, в частности, в греч. πολύς 'много', в др.-исл. *fæla* 'пугать' и в ст.-слав. *плашити* 'пугать'. Между тем сибиевроевропейские сопоставления заставляют думать, что здесь перед нами несколько омонимичных корней разного значения. В самом деле, и.-е. **pelu-* 'множество, много' (греч. πολύς и др.), которое в словаре Покорного значится как распространение корня **pel-*, сопоставляется с урал. *paljz 'много' (фин. *paljo* и др. — FUV 46, Col. Gr. 408) и с алт. **pul-* (др.-турк. *ulu* 'великий, большой', монг. (*h*)*ülä* 'слишком много', ольчск. *püle* 'слишком много' и пр. — Ram. 55, FUV 145). А и.-е. **pel-* в др.-исл. *fæla* и ст.-слав. *плашити* 'пугать' сопоставимо с урал. *pele 'бояться' > фин. *pelko* (FUV 47, Col. Gr. 408), возможно, и с алт. **pēl-* > эвенк. *хэл-* 'не посметь', 'бояться' (Bac. 505, FUV 146). Различие огласовки, сохраненное в уральских и алтайских языках, но утраченное в индоевропейском, показывает, что и.-е. **pelu-* 'множество, много' и **pel-* 'пугать' — это генетически различные корни.

Во многих случаях само значение индоевропейских корней получает дополнительное освещение в результате сибиевроевропейских сопоставлений. Корню **bis-(t)li-*, засвидетельствованному в латинском и кельтских языках, приписывают значение 'желчь'. Однако существование этого корня в индоевропейском считается спорным (в словаре Ю. Покорного этот корень помечен вопросительным знаком — Pokorny 102). Сопоставление с урал. *rұsa 'желчь' > нен. *pade* 'желчь' и пр. (FUV 50, Col. Gr. 408) подтверждает индоевропейское происхождение этого корня в латыни и кельтских языках. Одновременно и значение этого корня ('желчь') получает подтверждение.

Видимо, удастся по-новому построить иерархию значений во многих индоевропейских корнях. В словаре Вальде и Покорного (Walde—Pokorny II, 463) и в словаре Ю. Покорного (Pokorny 977) корень **sneq-* имеет в качестве центрального значения 'вертеть', а в качестве периферийных значений 'скручивать нитки', 'нить', 'жила' и пр. Сопоставление с урал. *sene 'жила, сухожилие' (предложенное В. Коллиндером еще в 1933 г.⁶;

⁶ Сопоставления фин. *paljo* 'много' и греч. πολύς 'много', венг. *fél* 'бояться' и др.-исл. *fæla*, ст.-слав. *плашити* 'пугать', фин. *suone* 'сухожилие, жила' и др.-исл. *sin*, греч. νεῦρον 'жила' предложены Коллиндером на

реконструкцию уральского корня см. FUV 58, Col. Gr. 409) заставляет предполагать, что центральным значением индоевропейского корня было 'жила', а отсюда 'нить', 'крутить нитки', 'вертеть'.

В других случаях, видимо, можно и объединить корни, рассматриваемые в индоевропеистике как разные. Индоевропейское *sē(i)- 'решето', 'просеивать' (Pokorný 889) и и.-е. *sē(i)- 'бросать, ронять, сеять' (в распространениях 'выливать', 'вытекать'), кажется, можно объединить, если сопоставить их с уральским корнем *sojə 'ковш', 'черпак' (FUV 61, Col. Gr. 408).

В индоевропейских языках, видимо, в такой же мере, как в арабском или китайском, была распространена народная этимология, связанная с существованием фонетических корней.

На понятии фонетического корня следует остановиться подробнее. В лингвистической литературе словом «корень» обозначают два глубоко различных, хотя и связанных понятия:

1) Корень - морфема. Это разновидность морфемы и, как всякая морфема, может определяться лишь по соотношению плана выражения с планом содержания. Мы говорим о морфеме, если некоторая цепочка фонем (в частном случае — одна фонема) регулярно связана с некоторым значением. Разумеется, длина и фонетическая структура корня может быть в одном и том же языке весьма различна. Если мы убедились, что некоторая цепочка звуков всегда связана с некоторым смыслом и не дробится на более мелкие морфемы, мы должны признать эту цепочку звуков морфемой — независимо от ее длины или фонетической структуры;

2) фонетический корень. В некоторых языках (например, в семитских, в китайском) корень-морфема очень часто соответствует некоторому фонетическому шаблону. Так, в китайском языке корни в своем большинстве односложны, в арабском языке корни чаще всего содержат три согласных, а гласные оказываются иррелевантными в отношении корней. В таком положении оказываются отнюдь не все корни, но значительное их большинство. В связи с этим возникает некоторая фонетическая модель, цепочки звуков, соответствующие этой модели (и называемые обычно корнями), их можно назвать фонетическими корнями.

Корень-морфема чаще всего равен фонетическому корню, но нередко может быть больше (или меньше) его. Так, китайское слово 羔犧 цзэмо 'карма (судьба как последствие поступков в предыдущих перевоплощениях)' с собственно морфемной точки зрения неразложимо (и никогда не было разложимо: это заим-

III Международном съезде лингвистов — см. Atti del III Congresso internazionale dei linguisti (Roma, 19—26 Sett. 1933). Firenze, 1935, 312—316.

ствование из санскритского *karma*), оно составляет один корень-морфему, но разлагается на два фонетических корня: *цзе* (в отдельном употреблении 'холощеный баран', 'кожа для барабана') и *мо* (в отдельном употреблении 'тереть', 'играть', 'предполагать', 'прилегать' и т. д.). Современное арабское слово '*aṭlas*' - 'географический атлас' с собственно морфемной точки зрения неразложимо и составляет единый корень-морфему. Однако в составе его выделяется фонетический корень *ṭls*, тот же, что и в корне-морфеме *ṭls* 'стирать (написанное)', хотя между этими корнями нет и никогда не было семантической связи. Реальность существования фонетического корня проявляется, в частности, в образовании множественного числа: '*aṭālis*' - 'атласы'. В соответствии с арабской лексикографической практикой, основанной на фонетических корнях, словари помещают слово '*aṭlas*' - 'географический атлас' в гнездо *ṭls*⁷. В описанном случае корень-морфема больше фонетического корня, в других случаях он может быть меньше: в арабских словах *harāma* 'проколол', *haraka* 'сделал отверстие', *haraza* 'просверлил', *harata* 'проколол' и т. д. выделяется корень-морфема *hr*, однако фонетические корни во всех этих словах разные: *ḥrm*, *ḥrk*, *ḥrz*, *ḥrt*⁸.

Различение морфемных (двуплановых, знаковых) единиц и морфонологических единиц (существующих лишь в плане выражения), подобное различию корня-морфемы и фонетического корня, может присутствовать и на более крупных участках текста. В некоторых языках (например, в арабском) существует, наряду с основой слова в морфемном смысле, и фонетическая основа. В очень многих языках (в том числе в русском) есть, наряду с лексемой, выделяемой путем коммутации плана выражения с планом содержания, и фонетическое слово (определенное в разных языках либо с помощью закономерностей конца слова, либо па основе сингармонизма, либо ударения и пр.).

Индоевропейскими корнями часто называют фонетические корни индоевропейского языка. Именно в этом смысле говорят о структуре корня в индоевропейском. Не следует путать этот корень с корнем-морфемой. Последний может иметь весьма различную структуру, он может быть значительно больше фонетического корня, и выделение его возможно лишь на основе изучения соотношения звучания и значения⁹.

⁷ См., например: Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1957, стр. 606.

⁸ См.: Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, стр. 49.

⁹ Индоевропейские «корни» в смысле Э. Бенвениста — видимо, также реальные морфологические единицы, часто меньшие по сравнению с корнем-морфемой.

Фонетические корни в тех языках, где они есть, видимо, оказывают влияние на морфемные единицы и усиливают народную этимологию. В арабском языке существует тенденция усматривать смысловые связи между разными корнями-морфемами, объединяющимися в единый фонетический корень. Аналогичная этому тенденция была, видимо, и в индоевропейском языке. Надо полагать, что там была развита народная этимология. Согласно словарю Покорного (Pokorny 810—819), корень *per- обладал значениями ‘перевозить через’, ‘вперед’, ‘вокруг’, ‘далее’, ‘перед’, ‘продавать’, ‘рожать’, ‘пытаться’, ‘палец’ и т. д. Смысловые связи между этими значениями, хотя и очень слабые, все же могут быть с известной натяжкой намечены. Возможно, что в индоевропейском языке с его тенденцией к связыванию омонимов здесь — с синхронной точки зрения — был один корень. Однако, даже если он существовал, он, видимо, возник в результате слияния двух или более омонимичных корней. Об этом свидетельствуют сибириоевропейские сопоставления. Лит. *pirštas* ‘палец’, ст.-слав. *пръстъ* и тохар. *prār* ‘палец’ сопоставимы, видимо, с алт. *per- ‘(большой) палец’ (маньчж. фэрхэ ‘большой палец’ и эвенк. хэрбэк ‘палец’ < тунгус. *pär(-k)-, ср.-монг. *herekei* < *perekei ‘большой палец’, др.-турк. äryäk ‘палец’ — Ram. 54, Р 79, Вас. 509), с картв. *rgsxa ‘ноготь’ (Климов 191) и с семито-хамитскими формами (афар *ferā* ‘палец’, хауса *farče* ‘ноготь’ и т. д.). И.-е. *per- в значениях ‘перед’, ‘вокруг’, ‘через’, ‘по ту сторону’, ‘перевозить через’ сопоставимо с урал. *pirz ‘круг, вокруг’ (саам. *birrā* ‘вокруг’, фин. *piiri* ‘круг’ и пр. — FUV 49, Col. Gr. 408), фин.-уг. *perä ‘конец’, ‘сзади’ (*postremum sive extreum rei*), ‘через’ (фин. *perä* ‘задний’, хант. *pir-ot* ‘прошлый год’ — FUV 107, Col. Gr. 413), с алт. *par- ‘сзади’ (монг. *aru* ‘задняя сторона’ и т. д. — Р 78), алт. *per- ‘конец, задняя часть’ (Räs. 34; D. Sinor. — «T'oung Pao» 37, 288), с картв. *pir ‘край, рот, лицо’ (Климов 153—154), возможно, также с семит. *br ‘переправляться на другой берег’, афар *fir* ‘начало’. За последним сопоставлением может стоять либо один, либо несколько сибириоевропейских корней: и.-е. *per- ‘вокруг’ (греч. περί) || саам. *birrā* ‘вокруг’, греч. πέριος ‘в прошлом году’ || хант. *pir-ot* ‘прошлый год’¹⁰; наконец, более сомнительно, но совсем не исключено сопоставление и.-е. *per- в значении ‘лететь, перо’, которое, согласно Покорному, принадлежит тому же корню (ст.-слав. *перж*, *пърти* ‘лететь’, *парти* ‘парить, лететь’, *перо* ‘перо’), с картв. *pr ‘лететь’ и сем.-хам. *pr ‘лететь’,

¹⁰ Два последних сопоставления предложены Б. Коллишдером. См.: «Atti del III Congresso...», стр. 312—316. Заметим, что в хант. *pir-ot* ‘прошлый год’ и второй элемент сложения (<фин.-уг. *օօց ‘год’; FUV 126, Col. Gr. 414) сопоставимо, возможно, с и.-е. *χετ- ‘год’ (Покорный 1175). Впрочем, возможно, что хант. *pir-ot* из ипд.-ир. *parut (др.-инд. *parut*, ваханс. *pard* ‘в прошлом году’).

‘убегать’ (Coh. № 366, Gr. LA № 32: араб. *farrā* ‘убегать’, мхри *farr* ‘лететь’, берб. (шилх) *firri* ‘лететь’, будума (чад.) *fer* ‘лететь’ и пр.). За индоевропейским корнем **per-* стоят два, а может быть, три или четыре сибириоевропейских корня.

Как видим, уже с самого начала применение сибириоевропейских сопоставлений представляется во многих отношениях полезным для реконструкции протоиндоевропейского языка.

Разумеется, в полной мере представить себе перспективы, которые сибириоевропейские генетические сопоставления открывают перед индоевропеистикой, сейчас, видимо, еще нельзя.